

давании географии. Следует включить в план Географгиза издание работ по этнографии.

Необходимо обратить внимание на тяжелое положение краеведческих музеев. Они плохо обеспечены материально и крайне нуждаются в квалифицированных кадрах. Съезд должен поднять вопрос о развертывании работы краеведческих музеев.

Т.т. Степанов и Уразов в своих выступлениях указывали на игнорирование элементов этнографии при преподавании географии в средней школе и на географических факультетах вузов.

* * *

В резолюции, принятой в завершение работ секции этнографии, отмечены значительные успехи, достигнутые этнографической наукой между I и II съездами Географического общества СССР, и указаны ее существенные недостатки: недостаточность подготовленных этнографических кадров; отсутствие преподавания этнографии на географических факультетах вузов; отставание в публикации этнографических работ; отсутствие этнографической тематики в изданиях Географгиза; неблагоприятное с этнографической работой в краеведческих музеях и отсутствие этнографического музея в Москве — столице нашей многонациональной родины. Особо подчеркнуты недостатки этнографической работы в рамках Географического общества, связанные с ослаблением связи между этнографами и географами. Необходимо усилить работу отделения этнографии Географического общества в Ленинграде и создать такое же отделение в Москве, установить связь с этнографами на местах и создать местные этнографические секции.

Секция этнографии внесла на обсуждение Пленума съезда вопрос о восстановлении преподавания этнографии (с элементами антропологии) на географических факультетах университетов и педагогических институтов и вопрос о включении этнографической тематики в план Географгиза.

В резолюции отмечено, что важнейшими вопросами этнографической работы в рамках Географического общества СССР в ближайшие годы являются:

- 1) изучение социалистической культуры и быта народов Советского Союза;
- 2) изучение этнического и национального состава отдельных территорий Советского Союза; освещение вопросов формирования социалистических наций и народностей; разработка вопросов этнической картографии;
- 3) разработка вопросов этногенеза и этнической истории, а также вопросов антропологии, связанных с географией;
- 4) изучение и использование наследства русской этнографической науки, в частности трудов этнографов РГО в XIX—XX вв.;
- 5) планирование и организация этнографических экспедиций силами местных филиалов и отделов Географического общества, освещение вопросов этнографии на страницах его «Известий»;
- 6) дальнейшее укрепление связей советских этнографов с этнографами стран народной демократии и других зарубежных стран (в частности, путем книгообмена).

В резолюции выражена просьба к съезду поставить перед правительственными организациями вопрос о восстановлении в Москве этнографического музея.

М. Я. Берзина, Я. Р. Винников

СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ РАБОТ 1954 г.

21—26 апреля 1955 г. состоялась научная сессия Отделения исторических наук АН СССР, посвященная итогам археологических и этнографических экспедиций Института истории материальной культуры и Института этнографии за 1954 г.

Открывая сессию, М. Н. Тихомиров отметил, что истекший год ознаменовался значительными успехами: археологи и этнографы работали в разных районах страны, добыли и систематизировали обильный материал по истории и современной культуре народов СССР. Остановившись на краткой характеристике собранных материалов, М. Н. Тихомиров в заключение обратился с приветствием к присутствовавшим на сессии гостям из стран народной демократии — проф. В. Генселю (Польская академия наук), проф. Д. Димитрову (Болгарская академия наук), чл.-корр. Румынской академии наук Г. Штефану. Выступивший с ответным словом директор Ин-та истории материальной культуры Польской академии наук проф. В. Генсель передал присутствующим привет от польских археологов и этнографов и выразил уверенность, что уча-

стие в работах сессии ученых из стран народной демократии послужит укреплению взаимных дружеских связей, являющихся важным звеном в общей борьбе за мир.

В своем докладе «Образование древнерусского государства» Б. А. Рыбаков (ИИМК АН СССР), отметив значительные успехи советских историков и археологов в разрешении сложных вопросов истории древней Руси, указал на необходимость подойти к письменным источникам с новой оценкой, учитываяшей не только отдельные сведения, но и общую концепцию автора того или иного источника. Тщательный анализ «Повести временных лет», первоначальный текст которой искажен позднейшими редакциями, позволит установить значительно более раннюю датировку описанных в «Повести» явлений, чем это было принято. Большую помощь окажет сопоставление сведений письменных источников с новейшими археологическими материалами, относящимися к IX—X вв., позволяющими конкретизировать и уточнить наши представления о древней Руси.

А. В. Арциховский (ИИМК), выступивший с докладом «Новгород Великий по археологическим данным», рассказал о материалах, добытых новыми раскопками, позволяющими уточнить расположение отдельных улиц древнего Новгорода, планировку зданий, определить занятия хозяев многих домов. Раскопки показали, что Новгород был не только торговым и административным, но и крупным ремесленным центром. Важным историческим источником являются найденные при раскопках грамоты на бересте, освещающие многие вопросы хозяйства, социальных отношений, культуры и т. д. В заключение докладчик высказал предположение, что береста как материал для письма была широко распространена не только на Руси (о чем свидетельствует находка обрывка такой же берестяной грамоты при раскопках в Смоленске), но и в других странах Европы. Другие находки говорят о широких торговых связях древних новгородцев (например, саманидские монеты и др.), о древнерусской школе (деревянная азбука-дощечка рубежа XIII—XIV вв.), древнерусском зодчестве (деревянная модель здания, резьба).

П. И. Кушнер (Ин-т этнографии АН СССР) сделал доклад о работах Русской этнографической экспедиции, основной задачей которой в 1954 г. было собирание полевых материалов для Русского историко-этнографического атласа. Работа велась тремя отрядами. Первый из них обследовал 22 района центрально-черноземной полосы, проделав маршрут около 5000 км; второй отряд объехал 24 района южных областей РСФСР (7000 км); третий отряд обследовал около 90 пунктов на территории 17 бывших уездов Пермской и Вятской губерний (7000 км). Собранные материалы обеспечивают составление карты распространения отдельных явлений материальной культуры русского населения европейской части СССР в XIX — начале XX в. Вместе с тем полученные сведения используются для составления этнографической характеристики изученных районов и помогают найти решение ряда теоретических вопросов, в частности, вопросов формирования этнического состава населения обследованных территорий.

Н. Н. Чебоксаров (Ин-т этнографии) сообщил об основных итогах работ Прибалтийской этнографо-антропологической экспедиции. Докладчик охарактеризовал собранные материалы по антропологии древнего и современного населения Прибалтики анализ которых позволяет выделить основные расовые типы, участвовавшие в формировании этого населения, и связать их с этнической историей края. Собранные экспедицией этнографические материалы также имеют большое значение для разработки нерешенных вопросов этнической истории Прибалтики. Изучение этих материалов показало глубокую хозяйственно-культурную общность народов Прибалтики с соседним славянским населением и вместе с тем позволило выделить здесь три характерные этнографические подобласти — северную, юго-восточную и юго-западную, прослеживающиеся при анализе основных элементов материальной культуры населения.

В своем докладе «Археологические работы на Дальнем Востоке» А. П. Окладников (ИИМК) сообщил о задачах, стоящих перед организованной в 1953 г. Дальневосточной археологической экспедицией — дать возможно более полную картину прошлого народов Дальнего Востока, выявить их взаимные связи и истоки их культуры. В 1954 г. работы велись несколькими отрядами. Первый из них, производивший разведочные работы в бассейне верхнего Амура, собрал обильный материал, позволяющий дать предварительную характеристику древних местных племен в палеолитическую и неолитическую эпоху и их этногенетических связей с племенами Прибайкалья, Якутии и отчасти нижнего Амура. Второй отряд вел работы в Приморском крае, третий — изучал древние поселения на юге Сахалина, четвертый — раскапывал открытые А. П. Окладниковым в Посыетском районе неолитические поселения. Еще один отряд осуществлял раскопки древних землянок вблизи Анадыря, повидимому, принадлежавших предкам чукчей.

Г. Ф. Дебец (Ин-т этнографии) прочел доклад «Новые палеантропологические находки каменного века на территории Русской равнины». До последнего времени, считал докладчик, считалось установленным, что в неолитическое и энеолитическое время на этой территории был широко распространен кроманьонский тип. Предполагалось, что он был характерен и для предшествующих эпох. Однако находка в 1954 г. А. Н. Рогачевым на стоянке Костенки XIV скелета позднепалеолитического времени характеризующегося некоторыми негро-австралоидными чертами, противоречит нашим прежним представлениям. Сходные черты обнаружены в двух из семи черепов, добытых при раскопках В. Н. Даниленко Волошского могильника близ Днепрпетровск

остальные пять черепов находят себе аналогии в типе мезолитических и неолитических черепов из Восточной Африки и в относящемся к более позднему времени краниологическом материале из Закавказья и Средней Азии. Все эти новые находки свидетельствуют о большой сложности антропологического состава древнего населения Русской равнины и об участии в нем элементов южного происхождения.

С. П. Толстов (Ин-т этнографии) в докладе «Новые работы в Хорезме» сообщил собравшимся о полевых исследованиях, проведенных в 1954 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Основным объектом раскопочных работ были развалины крепости Кой-Крылган-кала. Работы 1954 г. дали богатый материал, позволяющий с новых сторон осветить историю памятника, уточнить характер планировки и назначение отдельных помещений, обогатить наши представления об изобразительном искусстве древних хорезмийцев. Большой интерес представляют найденные фрагменты скульптуры, а также многоцветной стеной росписи. «Миниатюрные фрески» Кой-Крылган-калы, предположительно датируемые I в. н. э., являются наиболее древними из известных нам пока образцов хорезмийской античной живописи. На правобережье Аму-Дарьи проводились также рекогносцировочные раскопки на античном памятнике Базар-кала. Продолжалось начатое ранее исследование древней гидрологической сети в дельте Акча-Дарьи и расположенных там памятников. Большой интерес для этнической истории древнего Хорезма представляет открытие могильника бронзового века, содержащего обильный костный и археологический материал. Одновременно с указанными работами отрядом под руководством Е. Е. Неразика велись археологические исследования памятников афригидского времени (VII—VIII вв. н. э.) в районе Кырк-кызского канала; начаты раскопки самого крупного из этих памятников — крепости Беркут-кала.

Этнографический отряд под руководством Т. А. Жданко продолжал начатое ранее изучение культуры и быта колхозников на вновь освоенных землях древнего орошения в районе Кырк-кыза. Узбекский этнографический отряд (руководитель Г. П. Снегсарев), работавший в селениях Хивинского оазиса и в окрестностях Куня-Ургенча, собирал материал по пережиткам древних доисламских верований и исследовал вопрос о роли религии в современном быту узбекского крестьянства и о причинах устойчивости некоторых религиозных обрядов и обычаев. Собранные материалы представляют большой интерес для реконструкции религиозных представлений древних хорезмийцев.

На левом берегу Аму-Дарьи велись раскопки городища Кюзели-гир, давшие много ценного материала по истории этого памятника. В результате раскопок одного из кварталов добыт обильный материал для характеристики гончарного производства античного Хорезма кангюйского и кушанского времени. Одновременно продолжались работы археолого-топографического отряда по инструментальной съемке городища и уточнению карты древней ирригации этого района. Этнографический отряд (руководитель Т. А. Жданко) проводил в Кара-Узянском и Кегейлинском районах изучение водо-земельной общины XIX — начала XX в. и народного орнамента каракалпаков.

По окончании стационарных работ на Кюзели-гире начали работать три новых рекогносцировочных отряда. Один из них вел исследование древних ирригационных систем на Сарыкамыше, Даудане и Дарьялыке. Большой интерес для истории гидрографической сети представляет открытие крупного античного поселения близ низовьев среднего Даудана и античной ирригации близ Канга-калы. Другой отряд, под руководством Ю. А. Рапопорта, продолжал рекогносцировочные раскопки погребальной башни кангюйского городища Айбугир-кала I. Третий отряд под руководством М. А. Итиной провел маршрут на верблюдах, исследуя отрезок Узбоа между урочищами Куртыш и Янаджа. Добытые материалы показали, что на обследованном участке превалирует неолитическая верхнеузбойская культура, наиболее ранний вариант которой представлен, повидимому, инвентарем Куртышских стоянок. Существенное значение имеет открытие Узбойским отрядом развалин древнего укрепления близ колодцев В. Игды, датируемого IV—V вв. н. э. Открытие этой крепости является еще одним аргументом в пользу предположения о высоком в то время уровне воды в Сарыкамышском озере и о возможном кратковременном прорыве амударьинских вод в Сарыкамыш и Узбой.

Этнографический отряд под руководством Г. П. Васильевой проводил обследование живущей в Чарджоуской области ТССР и в Каракумском районе УзССР группы туркмен, принадлежавших к племени хыдыр-эли. Результаты этого обследования подтверждают предположение о том, что хыдыр-элинцы являются потомками упоминаемого Абульгази племени хызр-или, обитавшего в средние века на Сарыкамыше и Узбое.

* * *

Вслед за сессией Отделения исторических наук, 23—26 апреля, состоялись сессии Института этнографии и Института истории материальной культуры, посвященные итогам полевых исследований истекшего года (заседания ряда секций обоих Институтів велись совместно). Сессия Института этнографии открылась докладом Г. Ф. Дебеца «Некоторые проблемы происхождения киргизов в свете работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции». Охарактеризовав данные, полученные в результате антропологических, этнографических и археологических работ экспедиции, докладчик сообщил, что итоги этих работ приводят к выводу о значительном преобладании цен-

тальноазиатских элементов в процессе образования киргизского народа. Можно предположить, что киргизский народ в основном сложился на территории современной Синьцзяна или Западной Монголии и что переселение киргизов на территорию их временного обитания произошло не ранее конца I тысячелетия н. э.

А. К. Писарчик (Ин-т истории, археологии и этнографии АН ТаджССР) сообщила о работах Гармской этнографической экспедиции. В 1954 г. работы велись тремя отрядами. Дарвазским этнографическим отрядом собран большой материал о населении, его занятиях, материальной и духовной культуре. Дарвазский искусствоведческий отряд собирал материал по народному театру, песням, танцам, играм и развлечениям. Джиргитальский этнографический отряд изучал смешанное киргизско-таджикское население района. Установлена двуязычность населения и сильное взаимное влияние культуры обоих народов.

24—25 апреля заседания велись по секциям.

Славяно-русская секция

На заседаниях секции было прослушано 12 докладов об этнографическом изучении русского, украинского и белорусского народов. В работе секции приняли участие сотрудники Института этнографии АН СССР, академий наук Украинской и Белорусской республик, представители Московского государственного университета, Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного музея и других научных учреждений страны. Секция отметила успешную экспедиционную работу по сбору материалов для Русского историко-этнографического атласа, проведенную в 1954 г. Северо-восточным, Орловско-Курским и Южным отрядами Русской экспедиции Института этнографии АН СССР.

Итоги работы Северо-восточного отряда были доложены Г. С. Масловой. Отряд обследовал ряд сел и некоторые заводские поселки Молотовской, Кировской и Свердловской областей. Анализ собранных материалов позволяет установить распространение на обследованной территории различных форм жилища, одежды, сельскохозяйственных орудий и других явлений материальной культуры и проливает свет на историю формирования русского населения этих областей.

Работа второго отряда Русской экспедиции, обследовавшего ряд районов Орловской, Курской, Белгородской и Липецкой областей, была освещена в докладе О. А. Ганцкой и Н. И. Лебедевой. Материалы Орловско-Курского отряда свидетельствуют о том, что материальная культура населения обследованных областей в целом типично великорусская, с преобладанием южновеликорусской специфики, но отличается в разных районах частными особенностями. Древние реликты, обнаруженные в материальной культуре населения, дали возможность Н. И. Лебедевой высказать предположение, что после татарских набегов южная окраина Московского государства не представляла собой сплошь «дикого поля», так как в ней сохранялись уцелевшие от набегов русские селения со старожильческим населением.

Результаты работы Южного отряда Русской экспедиции были доложены Л. Н. Чижиковой и М. Н. Шмелевой. Маршрут отряда охватил главным образом районы расселения донского казачества, частично были изучены также районы, заселенные кубанскими и терскими казаками. В формировании населения обследованной территории принимали участие различные группы русского народа, а также украинцы и народы причерноморских степей. С определенными этническими традициями, установленными при обследовании, связаны локальные особенности в материальной культуре казаков. Вместе с тем казачество обследованных районов представляет собой своеобразную группу русского народа, имеющую многие черты общности в материальной культуре и быте, что особенно четко прослеживается в одежде и жилище конца XIX — начала XX в.

В прениях по докладам отрядов Русской экспедиции было признано научное значение выполненной работы и высказано пожелание о более тесной связи этнографических исследований русского народа с археологическими и лингвистическими исследованиями.

Большой интерес вызвало сообщение М. Я. Гринблата о Гродненско-Полоцкой экспедиции АН БССР в 1954 г. Экспедиция собрала материалы, имеющие важное значение для решения вопросов этнической истории белорусского народа. По материалам экспедиции можно установить, какие группы ранее иноязычного населения вошли в белорусскую народность в процессе ее формирования. Славяно-русская секция рекомендовала Институту истории, этнографии и народного творчества АН БССР, проводящему в настоящее время этнографические исследования по этногенезу белорусского народа, установить более тесную связь с историко-этнографическими и лингвистическими учреждениями АН Литовской ССР, поскольку выяснилось, что в пограничных зонах Белоруссии в прошлом имелись большие группы балтийских народностей и этническая история белорусского народа связана с судьбами этих групп. Желательно также установление связи с польскими учеными.

Доклады об изучении культуры и быта колхозного крестьянства и рабочего класса на Украине были сделаны научными сотрудниками АН УССР (Киев) и ее филиала (Львов).

Г. Е. Стельмах сообщил о некоторых итогах Волинской экспедиции (Борки и другие села Волинской обл.). В своем докладе Г. Е. Стельмах остановился на при-

менении посемейных карточек при сборе этнографических материалов, а также подчеркнул особое внимание, которое уделяли участники экспедиции выяснению истории того или иного явления крестьянского быта.

Одной из задач Волынской экспедиции являлся сбор материалов по домашним промыслам, широко распространенным в дооктябрьское время в быту крестьян села Борки. С докладом о домашних промыслах выступила Л. П. Шевченко.

В докладе И. Ф. Симоненко был рассмотрен опыт использования статистики при изучении быта колхозного крестьянства западных областей Украины, осуществлявшемся сотрудниками Украинского государственного музея этнографии и художественного промысла. При проведении полевой этнографической работы ими было уделено большое внимание заполнению посемейных карточек, на основе которых были составлены статистические данные (о составе колхозных семей, их культурном уровне и т. п.). Однако, как отмечалось в прениях, полученные материалы следовало подвергнуть более полной обработке и не спешить с выводами.

Сообщение А. С. Куницкого было посвящено показу некоторых особенностей современного жилища украинских рабочих. Докладчик использовал материалы, собранные в 1954 — начале 1955 г. в г. Сталино, а также сведения, полученные ранее в Днепропетровске, Днепродзержинске, Львове, Ворошиловграде и других городах. К сожалению, как указывалось в прениях, А. С. Куницкий, оперировавший интересным материалом, недостаточно учел, что жилище является бытовым комплексом, и поэтому не всегда мог достаточно ясно выявить зависимость развития жилища от изменений, происходящих в быту рабочих семей.

С большим вниманием был прослушан доклад М. Т. Ломовой об изучении культуры и быта рабочих металлургического завода им. Сталина в г. Сталино (б. Юзовский завод). В этой работе сотрудники Украинского государственного музея этнографии и художественного промысла использовали разнообразные методы сбора материалов. М. Т. Ломова провела посемейную перепись среди рабочих г. Сталино, что дало чрезвычайно ценный статистический материал по быту рабочих семей.

Доклады и развернувшиеся по докладам прения показали, что проведение сплошного посемейного обследования для изучения важнейших явлений советской культуры и быта как рабочих, так и крестьян, стало широко применяться украинскими этнографами и дало ценные результаты. Секция отметила успехи украинских этнографов в изучении быта рабочих.

Научные сотрудники Государственного музея этнографии народов СССР сообщили об экспедиционных работах Музея в городах Сормово и Иваново. Доклад Е. Н. Студенецкой содержал интересные данные, характеризующие быт сормовских рабочих, их семейные отношения и материальную культуру в дореволюционном прошлом. Е. Н. Студенецкая указала, в частности, что в городском доме, в отличие от сельского, развитая планировка с тремя и более комнатами ничего сама по себе не говорит о зажиточности или благоприятных жилищных условиях обитателей этого дома в дореволюционном прошлом, так как в таком доме могла жить не одна, а несколько рабочих семей, снимавших зачастую даже не комнаты, а только углы.

Некоторые черты дореволюционного быта рабочих-текстильщиков города Иванова были показаны в докладе С. А. Павлоцкой.

Секция признала, что исследования культуры и быта рабочих Сормова и Иванова, проведенные в 1954 г. Государственным музеем этнографии народов СССР, значительно дополнили имеющиеся этнографические сведения о русском рабочем классе.

Балтийская секция

В отличие от прошлого года в программу Балтийской секции были включены лишь этнографические и антропологические доклады, — археологи Прибалтики отчитывались о своей полевой работе на секциях Института истории материальной культуры. Такую организацию работы секций следует признать неудачной: общность проблем, совместно разрешаемых археологами и этнографами, предполагает их взаимную заинтересованность в ознакомлении с новыми материалами. Состоявшееся еще в 1954 г. решение Бюро Отделения исторических наук АН СССР о реорганизации Балтийской антрополого-этнографической экспедиции в комплексную объединенную экспедицию, включающую и широкие археологические исследования, тем более обуславливает проведение совместных заседаний секций.

Балтийская этнографическая секция провела два заседания, на которых было заслушано 8 докладов и сообщений. Некоторые доклады (Л. Н. Терентьевой, В. К. Жилена) носили обзорный характер; другие доклады и сообщения были посвящены изложению материалов по какой-либо одной теме.

Начальник Латвийского отряда экспедиции Л. Н. Терентьева в своем докладе уделила большое внимание вопросам организации и методики полевых работ. В текущем году отряд был значительно полнее по своему составу. Кроме сотрудников и аспирантов Института этнографии АН СССР, в его составе работали два научных сотрудника Института этнографии и фольклора АН ЛатССР, а также сотрудник Бивдабас-музея. Существенную помощь оказали научные сотрудники местных краеведческих музеев, включавшиеся в маршрут отряда в пределах радиуса деятельности данного музея, а также учителя. Отрядом были проведены маршрутные обследо-

дования на территории четырнадцати районов республики, из них особенно полно в девяти районах. Наибольший интерес представляют материалы, собранные в западной части Курземе (Дундагский, Вентспилский, Алеунгский и Лиепайский районы), а также в северо-западной части Видземе (Руйенский и Алойский районы), по которым материалы раньше или совсем отсутствовали (Дундага, Руйене) или были мало удовлетворительными. Как и в предыдущие годы, близ границы с Эстонской ССР (Руйенский район) отряд встретился с Эстонским отрядом и совместно провел некоторые работы вдоль границы обеих республик. Равным образом была осуществлена встреча Латвийского и Литовского отрядов и проведены совместные работы в пограничной полосе этих республик.

Отряд проводил исследования по трем темам: крестьянские поселения и жилища, народная одежда, традиционные сельскохозяйственные орудия. Докладчик специально остановился на результатах работы по первой из этих тем, отметив, что собранные отрядом материалы позволяют с большой точностью картографировать распространение типов крестьянского жилища в западных и северных районах Латвии, а также в известной мере восстановить ход развития этих типов.

О результатах работы Латвийского отряда по сбору материалов о сельскохозяйственных орудиях и одежде рассказали в своих сообщениях аспиранты Института этнографии АН СССР И. А. Лейнесааре и М. К. Слава. Будучи до поступления в аспирантуру научными сотрудниками Института этнографии и фольклора АН ЛатССР и работая там по этим же темам, они не только использовали в своих сообщениях полевые материалы, собранные в истекшем году, но и привлекли для сравнения накопленные ими ранее данные. И. А. Лейнесааре были продемонстрированы составленные ею карты распространения в Латвии типов традиционных сельскохозяйственных орудий. М. К. Слава сосредоточила свое внимание на особенностях традиционной женской одежды в приморских районах ЛатССР.

В. К. Жиленас в своем докладе ознакомил собравшихся с работой Литовского отряда экспедиции. Основные полевые работы проводились в юго-западной части Литвы — в Занеманье и в северо-западной части Жемайтии, преимущественно по побережью Балтийского моря. В этнографическом отношении Занеманье являлось наименее изученной территорией Литвы. Полевые исследования истекшего года показали, что наряду с чертами в материальной культуре, сближающими Занеманье с западными районами Литвы, здесь обнаруживаются и специфические особенности, позволяющие выделить эту территорию в особую этнографическую область. Прослеживая указанные особенности по материалам жилища, В. К. Жиленас пришел к выводу о наличии на территории Литвы не двух, как считалось ранее, а трех типов жилища, называя в качестве третьего типа дом в Занеманье. Местные отличия обнаружены также в покрое некоторых частей женской одежды, в способе ношения платка, пояса и особенно в технике ткачества. В Занеманье зафиксирована сложная техника выделки декоративной ткани для передников (так наз. «кайширина»), нигде более в Литве не известная. Ценный материал собран отрядом по средствам сообщения. Из трех этнографических отрядов Балтийской экспедиции Литовский является единственным, систематически осуществляющим сбор материалов по этой теме. Материалы, собранные в Жемайтии, дополняют и уточняют имевшиеся ранее в распоряжении литовских этнографов данные об этой территории. Следует отметить, что отрядом на протяжении всего маршрута осуществлялся сбор материалов по современному строительству в колхозах.

Результатам полевых исследований Эстонского отряда было посвящено четыре доклада: Н. В. Шлыгина и Л. Х. Кивисаар сообщили о работах Института этнографии АН СССР, Т. М. Паэвере и Л. Б. Треес — о работах Тартуского этнографического музея. В соответствии с маршрутом, разработанным Институтом этнографии совместно с эстонскими этнографами, отряд работал в районах, расположенных в западной, северной, центральной и южной Эстонии (на о-ве Сааремаа и на материке, в Козесском, Харьюском, Пылтсамасском, Пайреском, Лихулаасском и Обьяском районах). Исследования имели регионально-очувствительный характер. Н. В. Шлыгина отметила значительную ценность начатых впервые в 1954 г. сборов материала по эстонским крестьянским поселениям, которыми ранее почти никто не занимался. Сообщенные в ее докладе сведения дают представление о формах и типах поселений в обследованных районах. Собранные материалы свидетельствуют, что в Эстонии, подобно Латвии и Литве, наряду с поселениями крестьян-дворохозяев, имелись отдельные поселки батраков. Примерами последних являются, в частности, поселок бывшего имения Ания (Козеский район) и поселок, выделившийся из деревни Умбуси (Пылтсамасский район).

Собранные материалы уточняют сведения о локальных отличиях старого эстонского жилища — жилой риги и дают возможность полнее осветить процесс его формирования. Они позволяют также проследить развитие новых форм крестьянского жилища, типичных для начала XX в. Большой интерес представляют исследования на о-ве Сааремаа, где в значительно большей степени, чем на всей остальной территории Эстонии, сохранились традиционные черты материальной культуры, в частности, жилища. В западной части Сааремаа, наряду с жилыми ригами, наличествуют дома с «роовом», аналогичным видземским в Латвии. Вопрос о проникновении сюда этого типа построек требует дополнительных исследований.

Л. Х. Кивисаар познакомила собравшихся с новыми материалами по традицион-

ным сельскохозяйственным орудиям эстонцев. Привлекая архивные материалы Тартуского музея и литературные данные, она, как и И. А. Лейнсааре, продемонстрировала составленные ею карты распространения типов сельскохозяйственных орудий.

Т. М. Пазвере рассказала о работах в юго-восточной Эстонии, являющихся продолжением полевых исследований Тартуского музея в предыдущие годы. Население этих районов по своему национальному составу смешанное: кроме эстонцев, здесь живут сеты и русские, а в сельсоветах, граничащих с Латвийской ССР, также и латыши. Были прослежены специфические отличия в формах поселений, планировке усадеб и типах жилых и хозяйственных построек, в одних сельсоветах обнаруживающие общие черты с поселениями и постройками соседних русских районов, в других сельсоветах — с латышскими. Прделанная работа приводит к выводу о заимствовании местным эстонским населением этих черт культуры от русских и латышей. Значительное внимание в докладе Т. М. Пазвере было уделено современному быту колхозников, в частности, новому строительству в колхозах и внутреннему убранству жилищ.

Л. Б. Треес сообщила о материалах по одежде, собранных в юго-восточных и северо-восточных районах Эстонии. Полевые исследования по одежде в этих районах ведутся уже не первый год и представляют значительную ценность для выяснения вопросов этнической истории и культурных связей эстонцев с соседними славянскими народами.

М. В. Витов сообщил об итогах антропологических работ на территории Прибалтики за 1952—1954 гг. В истекшем году отряд обследовал девять локальных групп (по 100 человек в каждой) в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР. Собранный материал значительно пополнил результаты экспедиций прошлых лет, так как наряду с выделенными раньше антропологическими комплексами (северо-западным, северо-восточным и южным) он позволил выявить еще три: западный, юго-западный и восточный. Западный комплекс антропологических признаков обнаруживается у латышского населения, живущего по берегам Балтийского моря; он близок к северо-западному, но по целому ряду признаков отличается от него в сторону приближения к южным, средиземноморским (в широком понимании этого термина) формам. Возможно, исходной формой для этого комплекса послужила одна из ранних волн северо-понтийского антропологического типа, проникшая далеко на север. Учитывая локализацию западного типа в районе Вентспилса, где, по данным Ливонской хроники, были расселены венты, докладчик предполагает, что именно эта этническая группа послужила основой для формирования описываемого типа. При сопоставлении исторического, топонимического и антропологического материала возникает мысль о том, что древние венты являются осколком западославянской (номорской) группы, оказавшейся в латышском и ливском окружении и постепенно в нем растворившейся.

Юго-западный комплекс характеризуется средним ростом, наибольшим в Прибалтике процентом волнистых волос, более темной, чем в остальных областях, пигментацией волос и глаз, брахикефалией, большей грацильностью в строении черепа, незначительным процентом вогнутых спиннок носа и рядом других признаков. Представители этого типа — юго-западные и частично центральные литовцы и курши Клайпедского района. Аналогия юго-западному комплексу находится среди брахикефальных, сравнительно темных расовых типов центральноевропейской группы. Восточный комплекс намечается у русских Островского района Псковской области и, возможно, у белорусов Сморгони. Будучи близок северо-восточному комплексу (восточнобалтийский тип), он отличается от последнего несколько меньшими размерами тела, головы и лица и отсутствием легкой монголоидной примеси, свойственной восточнобалтийскому типу. Ближайшей аналогией восточному комплексу служит валдайский антропологический тип — переходный между антропологическим типом древних славян (северопонтийским) и светлым брахикефальным типом дославянского населения европейского севера.

В заслушанных секцией сообщениях получили некоторое освещение этнографические и антропологические исследования, начатые в последние годы в Карело-Финской ССР. До недавнего времени в этой республике этнографическая работа из-за отсутствия специалистов почти не проводилась; еще в большей мере это относится к антропологическим работам. Этнографические и антропологические исследования на территории Карело-Финской ССР начаты в 1953 г. специально организованной экспедицией Московского гос. университета (начальник экспедиции М. В. Витов). В 1954 г. в Карелию направлено два молодых специалиста-этнографа: Р. Тароева и В. Пименов. В своем сообщении Р. Тароева кратко ознакомил с планами этнографической работы, намеченной Карело-Финским филиалом АН СССР на ближайшие годы. М. В. Витов рассказал о двухлетней работе Карельской экспедиции МГУ, собравшей значительный этнографический и антропологический материал. В результате этих исследований написаны две дипломные работы на этнографические темы, одна диалектологическая и одна по антропологии. К сожалению, подчеркнул докладчик, собранные антропологические материалы почти не обработаны, так как Университет не выделяет необходимых для этого людей и средств. Между тем карельские антропологические материалы представляют немалый интерес для решения вопроса о физическом типе населения Прибалтики.

Заслушанные доклады вызвали оживленный обмен мнениями. Секция приняла резолюцию, в которой дана оценка проделанной полевой работы и намечены важнейшие очередные задачи, стоящие перед коллективом Балтийской экспедиции и коллективом, работающим в Карело-Финской ССР.

Секция Средней Азии

На четырех заседаниях секции заслушано 27 докладов по этнографии, археологии и антропологии Средней Азии.

В работе секции, помимо представителей таких крупных комплексных экспедиций, как Южнотуркменистанская, Киргизская, Таджикская, Хорезмская, участвовали сотрудники институтов истории и археологии академий наук Таджикистана, Узбекистана, Туркмении, Казахстана, работники ряда среднеазиатских музеев.

Заседания секции начались серией докладов, посвященных работам археологов Узбекистана. Краткий обзор этих работ был дан В. А. Шишкиным в доклад «Работы Узбекстанской археологической экспедиции АН УзССР в 1954 г.». В составе экспедиции работали четыре отряда: Бухарский, Сурхандарьинский, Кашкадарьинский и Чустский. Бухарский отряд продолжал исследование городища Варахша. В окрестностях городища Пайкент проведено обследование «наусов», содержащих оссуарные захоронения VI—VII вв. н. э. Проведено также обследование двух внов открытых мазаров (комплекс Шабурган-ата), датируемых XII и XV вв. Кашкадарьинский отряд провел археологические наблюдения на строительстве Иски-Анхорского канала и в зоне проектируемого Чимкурганского водохранилища на р. Кашка-Дары. В районе Чимкурганского водохранилища зафиксировано 16 тепе, датируемых первыми веками — X—XII вв. н. э. В работах экспедиции, помимо АН УзССР, участвовали Узбекский государственный университет (Самарканд), продолжавший исследование верхнепалеолитической пещеры Аман-Кутан, работники Ферганского областного музея, обследовавшие ряд тепе (рубжа н. э. — VI—VIII вв. н. э.) и могильники (V—III вв. до н. э. и первые века н. э.), а также Отдел охраны памятников Управления по делам архитектуры УзССР, проводивший обследование ряда памятников Бухары и Самарканда.

Раскопкам 1954 г. на Чустском поселении был посвящен доклад В. И. Сприщенко. На поселении вскрыты новые полуземлянки; обнаружены остатки наземных жилых построек, видимо, имевших овальную форму и конусовидное перекрытие. О занятии жителей поселения земледелием свидетельствуют находки зерен пшеницы, ячменя и проса, а также каменных серпов, костяных мотыжек. Здесь же обнаружены части ткацкого станка, каменные литейные формы и шлаки, что указывает на местное производство бронзовых орудий. Наибольшее число находок составляет керамика, подавляющее большинство — нерасписанная посуда. Интересно, что в 1954 г. обнаружены фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге. Сравнивая материалы Чустского поселения с находками из Анау, Хорезма и Ферганы, докладчик предварительно датировал его серединой или концом II тыс. до н. э.

В докладе Б. С. Гамбург и Н. Г. Горбуновой «Раскопки могильников Ферганской области в 1953—1954 гг.» дан обзор археологических работ, проведенных сотрудниками Ферганского краеведческого музея в восточной части области. Большую часть зафиксированных памятников составляют могильники, расположенные в основном по линии предгорий. Хронологически они делятся на три периода. Ко II тыс. до н. э. относится Вадильский могильник, представленный захоронениями в каменных ящиках, отмеченных на поверхности каменными выкладками. Ко второму периоду (V—III вв. до н. э.) относится Актамский могильник, где раскопаны захоронения в грунтовых ямах под округлыми и вытянутыми «длинными» невысокими насыпями и галечника. Судя по инвентарю и ритуалу, этот могильник можно считать памятником племени сако-усунского происхождения. Третий период представлен погребениями катакомбных и подбойных камерах и грунтовых ямах. Для их погребального инвентаря характерны преобладание железных изделий над бронзовыми и керамика, изготовленная на гончарном круге. Эти погребения находят себе аналогии в могильниках Ширин-сай, Варух и Боркорбаз и датируются I—IV вв. н. э.

Значительный интерес представляют работы Сурхандарьинского отряда Узбекской археологической экспедиции, о которых сообщил Л. И. Альбаум в докладе «Некоторые результаты археологического изучения Ангорской группы памятников в 1953—1954 гг. и росписи Балалык-тепе». Отрядом проведены раскопки двух городищ III—II вв. до н. э. — VII в. н. э. — Зар-тепе и Хайрабад-тепе, расположенных в 26—30 км к северо-западу от Термеза. Особое внимание привлекает поселение Балалык-тепе, где раскопано 14 комнат. Стены одного из западных помещений покрыты росписями несколько более ранними, чем варахшинские. Открытие росписей на территории Северной Бактрии является новым вкладом в изучение художественной культуры народов Средней Азии и должно помочь выявлению культурных связей между Синьцзяном Средней Азией и сасанидским Ираном. В результате работ отряда создана предварительная периодизация археологических памятников Ангорского района, охватывающая время от III в. до н. э. по XII в. н. э.

Затем был прослушан доклад Б. Х. Кармышевой «Некоторые новые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана», посвященный анализу происхождения некоторых групп населения Сурхандарьинской и Кашка-Дарьинской областей. Б. Х. Кармышева выделила здесь: 1) группу узбеков Байсунских и Куштанских гор и Каршинской степи, отличающихся от соседнего населения рядом культурно-бытовых особенностей; название «узбек» употребляется здесь в узком смысле — так, как его понимали в XVI—XVII вв., обозначая дештыкпчакских полукочевых узбеков; 2) единую в культурно-бытовом отношении группу, называемую та-

жиками, хотя многие ее представители говорят только по-узбекски; «таджиками» именуют здесь исконное оседлое земледельческое население, так же как в Сурхан-Дарьинской области его называют «чагатаями» — в применении как к тюркоязычному, так и к ираноязычному населению; 3) группу, объединяющую тех, кто не считается ни настоящими таджиками, ни настоящими узбеками; часто их называют еще по имени рода (тюрк, карлук) или термином «аймак» (Кайсанский район Кашка-Дарьинской обл.). Это, вероятно, потомки тех тюркоязычных народов и племен, которые поселились в местах нынешнего обитания раньше, чем дештикыпчакские узбеки. Последняя группа особенно сложна по своему происхождению и культуре.

Итогом полевых работ Таджикской археологической экспедиции в 1954 г. был посвящен доклад А. М. Беленицкого. В составе экспедиции работали пять отрядов: Пенджикентский, Хуттальский, Ворухский, Ходжентский и Каратегинский. Первый из них продолжал раскопки городища древнего Пенджикента, причем работы были ограничены территорией шахристана. Создается впечатление, сказал докладчик, что город делился по социальному признаку на две части: восточную, где жили представители трудовых слоев населения, и западную.

Каратегинским отрядом начато планомерное археологическое обследование Гармской области.

Б. А. Литвинский доложил о работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (Хуттальский и Ворухский отряды Таджикской экспедиции). Хуттальский отряд продолжал раскопки городища Кухна-кала (III в. до н. э.), расположенного близ г. Ворошиловада Сталинабадской области, и начал раскопки на городище Кум-тепе (I в. до н. э.—I в. н. э.), находившемся неподалеку от первого. Раскопки обоих памятников дали обильные находки керамики, бронзовых изделий, украшений и т. д. Удалось сделать много наблюдений в области строительного дела и особенно древней фортификации. Ворухский отряд производил раскопки курганного могильника у сел. Ворух, где работы велись еще в 1952 г. Вскрытие 33 курганов дало обильный и разносторонний материал, характеризующий культуру кочевого населения северного Таджикистана в первые века н. э. Полностью выяснены устройство могильного сооружения и весь обряд захоронения. Получен антропологический материал хорошей сохранности. Предварительный анализ добытого археологического материала свидетельствует о тесных взаимоотношениях кочевников с местным оседлым населением, а также о связях их с кочевыми племенами таких отдаленных областей, как Поволжье и Южная Сибирь.

Об археологических работах в Ленинабаде (Ходженте) в 1954 г. сообщил Н. Негматов. Шурф внутри Ходжентского цитадели дал двухметровый культурный слой, содержащий керамику первых веков до н. э., что позволяет поставить вопрос о существовании здесь античного поселения, которое, вероятно, может быть идентифицировано с Александрией Дальней письменных источников. Ряд шурфов в центре города и на цитадели дал материал, позволяющий проследить жизнь города с конца VIII по XIX в. Для восстановления истории города в XVII—XIX вв. помимо археологических были проведены этнографические работы. Отряд провел также археологическое обследование в Ленинабадском районе, зафиксировав ряд античных и средневековых памятников.

О находках монет в Таджикистане в 1953—1954 гг. сообщила Е. А. Давидович. Подчеркнув, что обширный нумизматический материал разных эпох, собранный не только в Таджикистане, но и на территории Средней Азии в целом, может служить одним из важнейших исторических источников, докладчик призвал институты республиканских академий ежегодно проводить регистрацию монетных находок и публикацию их списков.

В докладе О. И. Смирновой о новых находках монет в Пенджикенте дан анализ большой коллекции монет, подтверждающий, с одной стороны, наличие здесь местного чекана, с другой, дающий возможность уточнить хронологические периоды жизни города, выделяемые по археологическим материалам. В частности, монетные находки дают возможность предположить, что Пенджикент был основан на месте позднеантичного поселения.

Серию докладов, посвященных работам прошедшего года в южной Туркмении, открыл В. М. Массон, сообщивший о работах XIV отряда ЮТАКЭ. Отрядом велось исследование древнемаргианских памятников, расположенных в дельте Мургаба, в северной части мервских земель древнего орошения, вне пределов современного оазиса. Обследовано 16 памятников, давших материал эпохи Анау IV, и проведены раскопки на поселениях Тахирбай 3 и Яз-тепе. Раскопки на Яз-тепе дополнили работы Б. А. Куфтина по стратиграфии памятников прикопетдагской полосы в эпоху неолита и развитой бронзы. С другой стороны, они дают возможность подойти к проблеме становления на этих территориях классового общества.

Доклад Г. А. Пугаченковой «Маргианская богиня» был посвящен анализу терракот древнего Мерва, добытых во время работ ЮТАКЭ. Мервские терракоты показывают, что в эпоху развитых рабовладельческих отношений в Парфянском царстве наряду с официально принятым зороастризмом в местной народной среде стойко держался культ Великой маргианской богини.

С. А. Ершов сделал доклад о раскопках Байрамалийского могильника, представляющего собой три огромных науса, каждый из которых содержит множество

оссуарных захоронений. Раскопки одного из наусов дали обильный антропологический материал и выявили некоторые новые черты зороастрийского погребального обряда. По монетным и керамическим находкам могильник может быть датирован V—VI вв. н. э.

В докладе А. Х. Маргулана были подведены некоторые итоги изучения новых памятников эпохи бронзы в центральном Казахстане. Докладчик дал периодизацию памятников этого времени по этапам, основываясь на материалах погребения Доандроновский этап, датируемый II тысячелетием до н. э., характеризуется преобладанием микролитических орудий и лишь появлением орудий из меди или бронзы. Керамическое тесто содержит примесь толченых раковин. Андроновская культура (XVIII—XII вв. до н. э.) делится на два этапа. Ранний ее этап (XVIII—XV вв. до н. э.) характерен скорченными погребениями в прямоугольных грунтовых ямах, отмеченных на поверхности каменным кольцом. Встречается трупосожжение. Сосуды баночного типа, орнамент нанесен гладким штампом. Очень много бронзовых блях. Завершающий этап андроновской культуры (XV—XII вв. до н. э.) характеризуется прежде всего наличием крупных могильников (от 70 до 500 погребений в каждом). Многообразны формы наземных сооружений, среди которых есть многокамерные усыпальницы большой патриархальной семьи. Встречаются двухэтажные камер облицованные гранитными плитами. Инвентарь погребений представлен керамика орудиями из бронзы, украшениями из золота, цветного камня и т. д. В это время происходит выделение и образование территориальных племенных групп, что способствовало дифференциации андроновской культуры и появлению новой культуры — Дандыбай-Бегазы. Последняя делится на Аксу-Аюлинский этап (XII—XI вв. до н. э.) Дандыбаевский (XI—X вв. до н. э.) и Бегазинский (IX—VIII вв. до н. э.).

Работам Восточноказахстанской экспедиции 1954 г. был посвящен доклад С. С. Черникова. Экспедиция вела работы тремя отрядами в зоне затопления Бугаринского ГЭС. У дер. Пещеры закончены раскопки кратковременного стоянщика неолитических охотников. Сделанные находки позволяют отнести его к кругу памятников сибирского палеолита. В культурном слое неолитического поселения Усть-Нары найдено множество кремневых орудий и керамика с линейным орнаментом, целиком покрывающим тулово сосуда. Инвентарь такого типа до сих пор в Казахстане не встречался. Найденные наконечники стрел находят себе аналогию в верхних слоях Дзельской пещеры (Туркмения). Поселение датируется второй половиной III тысячелетия до н. э. Были также раскопаны два андроновских поселения: одно близ аула Кан, другое у дер. Трушниково. Раскопанные курганы относятся к разным хронологическим этапам — два из них к майемирскому этапу (VII—V вв. до н. э.), большинство же к кулажурской культуре (III в. до н. э. — I—II вв. н. э.). Наиболее ранние курганы у дер. Славянка — характеризуются погребениями в каменных ящиках. Иногда под ящика встречаются захоронения коня. Более поздние курганы, у пос. Пчела, бедны. Для тюркских курганов VIII—X вв. н. э. характерны погребения с конем под камнем насыпью. Погребальный инвентарь состоит из оружия, украшений, конского упряжи. Особенно богатым оказался курган № 4, у пос. Юпитер. Здесь в подбое рядом с конем лежал скелет мужчины европеоидного (андроновского) типа; в ногах найдены остатки одежды из китайского шелка. По предположению С. С. Черникова это курганы кимаков, населявших Восточный Казахстан в VIII—X вв. н. э.

Ряд докладов был посвящен работам Киргизской комплексной экспедиции. Тяньшанский археологический отряд, как сообщил А. К. Кибиров, продолжал раскопки курганов древних кочевников и параллельно вел археологическое обследование правобережья р. Нарын и течения р. Каракол. В результате обнаружены археологические памятники, датируемые III в. до н. э. — XII в. н. э. Наиболее многочисленными широко распространенными оказались курганы усуней, живших в центральном Тяньшане с III в. до н. э. по VI в. н. э. Вторую группу вскрытых курганов составляют катакомбно-подбойные погребения первой половины I тысячелетия до н. э. К третьей группе относятся курганы тюркского времени (VI—IX вв.) и, наконец, к четвертой погребения в камерах из сырцового кирпича, датируемые IX—XI вв.

По сообщению Ю. А. Заднепровского, Южнокиргизский отряд экспедиции вел раскопки Дальверзинского селища, где была обнаружена расписная керамика чирчикского типа. Наиболее вероятная дата этой культуры — рубеж II—I тысячелетия до н. э. Чуст и Дальверзин — наиболее древние поселения оседлоземельного населения Ферганской долины, очевидно, связанные с кругом культур анауского типа. Работами на территории средневекового Узгена установлено, что наиболее ранним является центральное городище; в основе средневекового города лежит, вероятно, большое античное поселение, о чем свидетельствуют находки кушанской керамики. Наиболее ранние слои средневекового Узгена датируются XI — началом XII в. Это заставляет пересмотреть вопрос об отождествлении Узгена с древним городом Ютайских хроник.

Доклад Ю. Д. Баруздина был посвящен производившимся Ошским краеведческим музеем раскопкам Карабулакского могильника, датируемого первой половиной I тысячелетия н. э.

С. М. Абрамзон сообщил о предварительных итогах полевых этнографических исследований в Тяньшанской, Фрунзенской и Таласской областях Киргизии. Отряд сгруппирован в 1954 г. 22 района, протяженность маршрута составила около 6 тыс. км. В результате историко-этнографического обследования названных областей, а также

сык-Кульской области, посещенной в 1953 г., составлена схематическая карта расселения этнографических групп киргизского населения северных областей республики. Собранные отрядом материалы характеризуют этническую историю обследованных групп, тесно связанную с историей соседних племен и народностей (казахов, узбеков, западно-монгольских племен и других). Выявлена значительная сложность этнического состава некоторых крупных групп киргизского населения, складывавшихся на протяжении многих столетий из весьма разнородных по своему происхождению этнических элементов. Впервые установлена новая линия исторических и этнических связей некоторых киргизских племен — связей, ведущих на запад и северо-запад. Анализ имеющихся материалов позволяет предварительно наметить этнографические группы, которые могли составлять первоначальное этническое ядро киргизской народности.

Итогам двухлетней работы по сбору данных для этнографической карты южной Киргизии было посвящено выступление Я. Р. Винникова. В результате проведенных исследований составлены (по методу этнических территорий) карта расселения родоплеменных групп киргизов до революции и карта современного расселения народов и этнографических групп в селениях Джалал-Абадской и Ошской областей Киргизской ССР. Попутно собирались генеалогические предания об отдельных родовых группах киргизов, что позволило составить 22 таблицы структуры крупных родовых групп.

Ряд докладов был посвящен работам Хорезмской экспедиции. О работах ее Узбойского отряда сообщила М. А. Итина. Отряд продолжил начатое в предыдущие годы археологическое обследование русла Узбой. В 1954 г. был пройден участок русла от Куртыш-баба до оврага Кара-чай. Наиболее ранние из обнаруженных памятников датируются эпохой неолита. На участке Куртыш — Ак-яйла, на левом берегу, вдоль границы песков найдено скопление неолитических стоянок, время существования которых связано, вероятно, с первоначальным этапом существования Узбоя, когда в этом месте было большое озеровидное расширение. Кремневый инвентарь стоянок представляет типичными верхнеузбойскими комплексами. В районе кол. Яныджа обнаружены стоянки, где наряду с преобладающими орудиями верхнеузбойского типа встречаются и нижнеузбойские. В районе кол. Яныджа найдены две стоянки с лепной «варварской» керамикой. Одна из этих стоянок располагалась на низкой, затопляемой части берега: видимо, в начале I тысячелетия до н. э. терраса эта уже не затоплялась и Узбой представлял собой цепь остаточных озер. Большой интерес представляет открытие древнего укрепления близ урочища В. Игды, которое предварительно датируется С. П. Толстовым IV в. н. э.

Доклад о гончарном производстве античного Хорезма сделала М. Г. Воробьева. Собираемый материал с 14 гончарных печей, расположенных на памятниках: Кюзели-гыр, Базар-кала, Калалы-гыр, на городищах, уже заброшенных в период постройки печей. Работы по изучению гончарных печей античного Хорезма позволили выявить ряд моментов, характерных для ремесленного керамического производства того времени.

Отдельным вопросом, связанным с архитектурной реконструкцией памятника кангуйского времени — крепости Кой-Крылган-кала, был посвящен доклад М. С. Лапинова — Скобло.

Т. А. Трофимова выступила с докладом о предварительных результатах антропологического изучения краниологического материала, добытого Хорезмской экспедицией при раскопках могильника Кокча 3. Черепа данной серии могут быть охарактеризованы как европеоидные с мезогнатным строением лица; их можно сопоставить с древними формами средиземноморского типа с территории Передней Азии, относящимися к эпохе бронзы. Из отдельных находок, сделанных в Средней Азии, можно сопоставить с данной серией два черепа бронзовой эпохи (из Туп-хопа и с оз. Заман-баба) и два черепа из пещеры Хоту (мазандеранская культура). Для окончательного решения вопроса о происхождении населения, похороненного в могильнике Кокча 3, необходим более широкий сравнительный материал по эпохе бронзы из других среднеазиатских могильников и пополнение материала из Кокча 3.

Секция заслушала ряд сообщений о работе этнографических отрядов Хорезмской экспедиции. Т. А. Жданко в своем докладе об изучении народного орнамента каракалпаков обобщила некоторые итоги исследования многочисленных образцов прикладного декоративного искусства, собранных в течение ряда лет Каракалпакским этнографическим отрядом. В докладе были охарактеризованы основные особенности каракалпакских ковровых изделий, узорчатых кошм, резьбы и росписи по дереву, разнообразных вышивок, демонстрировались таблицы основных типов орнамента, характерных для каждого из этих видов прикладного искусства. Особо было подчеркнуто в докладе значение каракалпакского орнамента как исторического источника. С одной стороны, анализ каракалпакского орнамента при сопоставлении его с орнаментом других народов Средней Азии свидетельствует о тесных историко-культурных связях каракалпаков с туркменами, казахами и частично узбеками — народами, близкими каракалпакам по своему происхождению. С другой стороны, сопоставление орнамента с археологическим материалом дает возможность проследить более глубокие историко-культурные и этнические связи как с древними и средневековыми полукочевыми народами присырдарьинских степей, так и с населением древнего Хорезма, оказывавшим значительное влияние на культуру кочевых и полукочевых племен своей степной периферии.

О работе туркменского этнографического отряда в Чарджоуской области ТССР Бухарской области УзССР сообщила Г. П. Васильева. Отряд обследовал группы туркмен хыдыр-эли, живущих в посещенных районах. Обследование подтвердило правительственное предположение С. П. Толстова о том, что эту группу составляют потомки туркменского земледельческого племени хызр-или, жившего в XV—XVI вв. в район оз. Сарыкамыш и создавшего сложную ирригационную систему по его берегам. Собранные отрядом сведения о хыдыр-эли о происхождении их, о приходе из Хорезма в район оз. Каракуль (Бухарская обл.), а затем на берега Аму-Дарьи, их занятия в прошлом (земледелие, гончарное производство, рыболовство и т. д.), несомненно, свидетельствуют, что нынешние хыдыр-эли — потомки хызр-или, о которых писал хивинский историк Абульгази. В настоящее время хыдыр-эли Бухарской и Чарджоуской областей по своей культуре не отличаются от окружающего их туркменского и узбекского населения.

Установлено, что между туркменами, живущими в Чарджоуской и Бухарской областях, сохраняются родственные связи, население еще помнит былые родоплеменные деления; вместе с тем различные группы населения Чарджоуской области, независимо от их прошлой племенной или этнической принадлежности, осознают себя туркменами, живущие в Бухарской области группы, прежде считавшие себя туркменами, консолидируются с узбеками.

Г. П. Снесарев сделал сообщение о работе этнографического отряда по изучению религиозных и других пережитков в быту узбекского сельского населения Хорезмского оазиса. Отметив, что социалистическое переустройство быта и культуры узбекского кшшлака резко изменило отношение населения к вопросам религии, что основная масса населения отошла от религиозной обрядности, докладчик констатировал вместе с тем наличие ряда вредных пережитков, еще сохраняющихся в быту. К ним относятся прежде всего пережитки в области семейного быта и семейных отношений, сохранение в отдельных случаях феодально-байского отношения к женщине, сохранение религиозного обряда бракосочетания «никах», а также скрытых форм калыма, браков несовершеннолетних и т. п. В быту сельского населения повсеместно сохраняется обряд обрезания («суннат-килиш»), зачастую используемый людьми, стремящимися выделить мусульман в некую культурную общность. Изучались также пережитки домусульманских верований и обрядов: культ мазаров, шаманство (сохраняющееся главным образом среди населения Куня-Ургенчского района) и др. Обнаружен пережиток, связанный с древней религией хорезмийцев — зороастризмом: презрительное отношение к ряду профессий, считавшихся низкими («паст») и объединявшихся словом «бам» (этимология не выяснена). К числу «бам» относились обмывальщики трупов, мясники, каючники, исполнители бань, парикмахеры, массажисты и ювелиры. В прежние времена представители этих профессий селились отдельно и не входили в общение с соседним населением. Докладчик указал на необходимость дальнейшего изучения религиозных пережитков, которые могут дать много ценного для восстановления исторического прошлого народов Хорезма. Собранные факты указывают также на настоятельную необходимость значительно усилить и расширить научно-атеистическую и другие виды пропагандистской работы в колхозах, более решительно и последовательно бороться за окончательное изживание еще бытующих пережитков.

Прослушанные доклады вызвали оживленный обмен мнениями по отдельным вопросам, поднятым докладчиками.

Подводя итоги работы секции, председательствующий С. П. Толстов отметил ее плодотворность, непосредственно обусловленную научной ценностью исследований, проведенных в истекшем году. Многие ранее отставившие участки археологической и этнографической работы в значительной степени перестали быть таковыми. Отрицательной стороной археологических работ 1954 г. является то, что исследования заканчиваются периодом между ранним и классическим средневековьем; позднее средневековье совершенно забыто. Призыв Ташкентского совещания 1954 г. не получил в этом отношении отклика. Лишь два отряда работали по изучению памятников этого времени (Н. Негматов в Ходженте и Хорезмская экспедиция в районе Сарыкамышла). Особенно обидно, что эту эпоху оставила без внимания Киргизская экспедиция: для того чтобы разобраться в вопросах этногенеза киргизского народа, сведения по этому историческому периоду совершенно необходимы. Вообще из-за нашего отставания в изучении средневековья этнографический материал до сих пор оторван от археологического.

Характеризуя итоги этнографических работ, С. П. Толстов отметил, что этнографы забросили вопросы, связанные с изучением религии как с точки зрения историко-культурной, так и с точки зрения антирелигиозной борьбы. Доклад Г. П. Снесарева является одним из первых конкретных ответов на призыв ЦК КПСС о развертывании научно-атеистической пропаганды. Нужно как можно шире поставить эту проблему, обратить на нее внимание и этнографов и археологов.

Секция Кавказа

Работа секции протекала на совместных заседаниях этнографов и археологов. Было заслушано свыше 15 докладов и сообщений археологов, проводивших раскопки на территории Армении, Грузии, Азербайджана, Северной Осетии, Кабарды, Черкессии, Ставропольского и Краснодарского краев. Обсуждение показало, что новые данные,

добытые археологами, явятся ценным вкладом в разработку древнего периода истории народов Кавказа.

Значительный интерес вызвали также доклады кавказоведов-этнографов. Х. А. Хашаев, выступивший с докладом «Некоторые вопросы социальной организации народов Дагестана по материалам экспедиционных исследований последних лет», отметил, что дореволюционная историография рассматривала Дагестан как страну, где господствовали первобытно-общинные отношения. Отдельные советские историки, некритически относясь к этой литературе, также не видели классового деления в горах Дагестана в XIX в. За эту концепцию ухватились буржуазно-националистические элементы, отрицавшие наличие кулачества в Дагестане. Анализ форм земельной собственности и изучение производства в XIX в. дали возможность по-новому осветить эти вопросы, в частности, вопрос о господстве в горах раннефеодальных отношений, переплетавшихся со значительными пережитками родового быта, в то время как на равнине господствовали отношения развитого феодализма. Изучение народного хозяйства горного Дагестана дало возможность внести коррективы в оценку удельного веса его отдельных отраслей; основная масса населения горного Дагестана была занята земледелием, а не животноводством. Значительное место в своем докладе Х. А. Хашаев отвел вопросу о присоединении Дагестана к России, явившемуся важным прогрессивным фактором в развитии производительных сил и производственных отношений у народов Северного Кавказа.

В докладе Б. А. Калоева «К вопросу о национальной консолидации лезгин» рассматривался вопрос о своеобразных условиях консолидации народов и этнографических групп Южного Дагестана (собственно лезгин, табасаранов, агулов, рутульцев, цахуров и других). Исследование показало, что агулы и северные табасараны, издавна находящиеся в тесных экономических и культурных связях с собственно лезгинами, почти в совершенстве владеют языком этого народа, имеют с ним много общего в материальной и духовной культуре. Иная картина наблюдается у рутульцев и цахуров, издавна тяготевших к Азербайджану: здесь знают азербайджанский язык, распространены элементы материальной и духовной культуры азербайджанцев.

В докладе Г. А. Чачашивили «Единая этнографическая выставка Грузии 1954 года» было показано научное и политическое значение этой выставки, явившейся одной из первых подобного рода выставок в стране. Показывая специфику грузинской культуры, ее национальные особенности, выставка в то же время построена на сопоставлении старой и новой культур. Отдельные культурные комплексы даны в их динамике, в историческом разрезе.

В сообщении о полевых работах этнографической группы Института истории АН АрмССР Э. Т. Карапетян отметила, что экспедиция 1954 г. является первой в Армении после 20-летнего перерыва. Все это время сбор этнографического материала не носил систематического характера, материал собирался по отдельным темам во время эпизодических командировок. Естественно, что при этом многие стороны быта армянского крестьянства выпадали из поля зрения этнографов.

Работа экспедиции, состоявшей из двух отрядов (армянского и курдского), протекала в основном в Степанаванском, Талинском и Апаранском районах, различных в этнографическом отношении. Собранный материал дал возможность проследить различия в быту крестьян этих районов, борьбу нового со старым, выявить, какие стороны жизни старого села оказались более живучими, как сохраняются положительные традиции прошлого. Собранный значительный материал по семье и семейному быту, жилищи, одежде и другим сторонам культуры и быта колхозного крестьянства Армении. Установлено, что в трех обследованных селах Степанаванского района традиционный крестьянский дом (гяхатун) полностью уступил место домам городского типа, причем обычный городской дом претерпел некоторые изменения, вызванные условиями сельской жизни. Коренным образом изменились внутреннее убранство жилищ и утварь, хотя в ряде мест бытует и традиционная утварь. В костюме крестьян этих районов наблюдаются заметные различия. В Апаранском районе еще бытует традиционный национальный костюм, тогда как в других районах из этого костюма сохранился лишь головной убор у отдельных представителей старшего поколения.

* *
*

После окончания работы секций возобновились пленарные заседания Ученого совета. В докладе «Некоторые итоги Дагестанской экспедиции» М. О. Косвен подробно остановился на работе экспедиции, продолжавшейся с 1946 по 1954 г. Докладчик разделил эту работу на два периода. Задача, стоявшая в первом периоде, заключалась в том, чтобы дать общее представление о 32 народностях и этнографических группах Дагестана. К сожалению, эта работа была выполнена недостаточно: не все народы были описаны, многие этнографические группы остались совершенно не изученными, мало материала было собрано и по тем народам, которые изучались. Участниками экспедиции были выпущены из поля зрения такие актуальнейшие вопросы, как процесс национальной консолидации народов Дагестана, изменения в их быту и культуре за годы советской власти и колхозного строя. В результате всего этого пришлось перейти к другому плану экспедиционной работы, основной задачей которого явилось углублен-

ное изучение народов, объединяющих вокруг себя мелкие этнические подразделения Дагестана. В центре внимания было поставлено изучение современного советского быта и новой культуры народов. Большую помощь экспедиции оказали партийные и общественные организации республик и Дагестанский филиал АН СССР. В Институт этнографии были направлены молодые дагестанские этнографы, которые после окончания аспирантуры включились в работу экспедиции. Таким образом создавался большой коллектив, занимавшийся в течение ряда лет обстоятельным изучением народов Дагестана. В результате работ Дагестанской экспедиции напечатан ряд статей в журнале «Советская этнография» и в «Кратких сообщениях Института этнографии», написаны диссертации на дагестанские темы, подготовлен сборник «Народы Дагестана», составлена этническая карта Дагестана. Результаты работы экспедиции нашли отражение в подготовляемых к печати коллективных трудах «Социалистическая культура и быт народов Дагестана» и «Народы Кавказа».

Г. С. Читая в докладе «Некоторые итоги полевых работ 1954 г. по этнографии Грузии» отметил, что объем и направленность этих работ были определены, с одной стороны, координируемыми темами по изучению нового быта (семья и семейный быт, народное жилище), с другой, — такими темами, как полеводство, виноградарство, виноделие, металлургия, а также рядом тем для вузовских учебников по этнографии истории Грузии. Одним из важных результатов экспедиционной работы явились собранные этнографические коллекции, обогатившие фонды Государственного музея Грузии и Джанашиа, кабинет этнографии Тбилисского государственного университета и некоторые краеведческие музеи республики. Докладчик остановился также на работе разведочной экспедиции Института истории АН ГрузССР, собиравшей на территории Закатальского и некоторых районов Северного Кавказа материалы по отдельным элементам материальной культуры.

Выступивший в прениях Я. Р. Винников отметил, что некоторые крупные народы (аварцы, даргинцы), которыми занималась Дагестанская экспедиция, были изучены недостаточно. Многие аварские группы совершенно не были обследованы, без чего нельзя говорить о национальной консолидации этого народа.

Е. Н. Кушева отметила, что вопрос о феодализме в Дагестане разработан пока недостаточно. В работе Х. А. Хашаева привлечен богатый материал по XIX в., но чтобы решить данный вопрос с большей полнотой, следует привлечь материалы XVI и XVII вв. Источники для этого имеются — это акты, кодексы, сборники адатов, арабские надписи на камнях и т. д., представляющие большой научный интерес и заслуживающие публикации.

Х. А. Хашаев указал, что Институт этнографии провел в Дагестане значительную работу, дав обстоятельное исследование по ряду народов республики. Однако экспедиция не смогла с достаточной полнотой изучить все дагестанские народы (лезгин, аварцев и других), в том числе и частично живущих на территории АзССР. В дальнейшем необходимо заняться разработкой вопроса об общих чертах культуры народов Кавказа.

Л. И. Лавров отметил, что хотя работа экспедиции протекала в трудных условиях, она собрала ценный материал по народам Дагестана, подняла ряд новых вопросов (о двуязычных группах и т. п.), исследовала этнические особенности отдельных народов республики, накопила большой материал по вопросу о социалистическом переустройстве их хозяйства, культуры и быта. Экспедиция собрала более 100 этнографических памятников IX—XIX вв. на арабском языке.

М. Г. Левин говорил о необходимости подготовки Кавказского историко-этнографического атласа, который мог бы дать картину этнографии Кавказа в целом. Он отметил также, что в музеях заглохла этнографическая работа, и высказал пожелание о возобновлении кавказских региональных сессий.

Г. С. Читая указал, что недостатком работы Дагестанской экспедиции является то обстоятельство, что она не занималась сбором этнографических коллекций. Не занимается этим и Дагестанский краеведческий музей, в фондах которого этнографические коллекции представлены одной единственной сохой. Остановившись на вопросе о создании Кавказского историко-этнографического атласа, Г. С. Читая сказал, что существенную помощь в этом деле может оказать сессия по кавказской этнографии, созыв которой нужно ускорить.

В своем заключительном слове М. О. Косвен также подчеркнул важность создания Кавказского историко-этнографического атласа. Задачу эту нужно решать силами всех этнографов, работающих в области кавказоведения. Осуществление этой задачи в значительной мере зависит от организации коллективной работы, в частности систематического проведения кавказских этнографических сессий. Такую сессию следует провести в ближайшее же время.

Н. И. Воробьев (Казанский филиал АН СССР) выступил с докладом «Этнографические исследования народов Среднего Поволжья». В 1954 г. проводились полевые исследования по русскому и мордовскому населению указанной территории, обработка и частично собрание материалов по чувшам и казанским татарам. Как отметил докладчик, русское население, составляющее около 50% населения Среднего Поволжья, до последних лет серьезному этнографическому изучению не подвергалось, считалось, что русские, обитающие на этой территории, это те же великоросы, что и живущие в центральных областях Европейской России, и ничем от них не отличаются.

Начиная с 1947 г. изучением быта русского населения Поволжья стал заниматься Е. П. Бусыгин (кафедра географии Казанского университета), исследования которого показали, что русские этого края, вследствие своеобразной истории их переселения сюда и тесного культурного сближения с местными народностями, представляют особую группу — так называемых поволжских великоросов, несколько отличных от центральных великоросов.

С 1952 г. начала свои работы Мордовская этнографическая экспедиция (руководитель В. Н. Белицер), организованная Мордовским научно-исследовательским институтом в тесном контакте с Институтом этнографии АН СССР. Перед экспедицией поставлена задача изучения быта и культуры обеих групп мордовского народа (эрзи и мокши), а также его этногенеза. На основе собранных материалов написаны и защищены две кандидатские диссертации (В. П. Ежовой «Мордва-эрзя Теньгушевского района» и И. П. Макушевым «Жилище мордвы-эрзя на территории Мордовской АССР»). В. Н. Белицер собрала большой материал по мордовской одежде, обуви и головным уборам.

Чувашским научно-исследовательским институтом совместно с Казанским филиалом АН СССР и Чувашским музеем организована Чувашская этнографическая экспедиция (руководитель Н. И. Воробьев), основной задачей которой было изучение современного быта чувашского колхозного крестьянства. Кроме того, проводилось изучение быта чувашского народа в прошлом и сбор материалов для выяснения его этногенеза. В результате работ экспедиции написана под руководством Н. И. Воробьева большая монография, посвященная материальной культуре чуваш. Аспирантом Казанского филиала П. В. Денисовым защищена кандидатская диссертация на тему «Современный быт колхозников-чуваш юго-западного района Чувашской АССР». Что касается изучения казанских татар, то за последние годы эта работа была несколько ослаблена, — историки и этнографы Казани заняты в основном составлением «Истории Татарии». Собирается материал по татарскому народному празднику Джиген; ведется изучение быта рабочих Бондюжского химического завода, где издавна сложился своеобразный рабочий коллектив, состоящий из русских и татар, тесно взаимодействующих в культурно-бытовом отношении. По марийцам же и удмуртам этнографической работы почти не ведется.

Как на серьезный недостаток в этнографической работе по изучению народов Поволжья Н. И. Воробьев указал на отсутствие координирующего центра, который направлял бы всю эту работу. Казанский филиал, отметил докладчик, таким центром еще не стал. Необходима помощь со стороны Института этнографии АН СССР как в организационном отношении, так и научными силами и опытом. Очень важно было бы созвать в Казани совещание этнографов, археологов, лингвистов для решения насущных вопросов изучения народов Поволжья.

И. С. Гурвич (Институт истории, языка и литературы Якутского филиала АН СССР) в докладе «Новые данные по этнографии Якутии» сообщил об итогах сплошного этнографического обследования северных районов Якутской АССР. В результате работы удалось уточнить этническую статистику и этнографическую карту обследованных районов, выявить ареалы расселения отдельных этнических групп, процессы их национальной консолидации, собрать материалы для характеристики этих групп, изучить процессы весьма интенсивно протекающей перестройки хозяйства, быта и культуры населения. Хотя большинство северных колхозов ведет комплексное промысловое хозяйство, основанное на развитии традиционных отраслей (оленьеводство, охота, рыболовство), но соотношение этих отраслей и техника ведения хозяйства резко изменились; делаются попытки ввести новые отрасли (звероводство, коневодство, свиноводство); распыленное в прошлом население стягивается к крупным поселкам с домами нового типа. Однако в связи с необходимостью для охотников и оленеводов вести подвижной образ жизни продолжает бытовать переносное жилище — чум. Для большинства северных районов Якутии вообще характерно сочетание новых и старых форм материальной культуры — в жилище, транспорте, одежде. О росте культуры свидетельствует широкое распространение грамотности, значительная сеть школ, больниц, фельдшерских пунктов, культурно-просветительных учреждений, создание национальной интеллигенции.

* * *

Закрывая сессию Института этнографии, С. П. Толстов отметил, что работы ее показали значительный рост советской этнографической науки. Ставится и разрешается ряд важных историко-этнографических проблем. Большое значение имеют сплошные этнографические обследования отдельных областей нашей страны, которые стали широко применяться рядом научно-исследовательских учреждений. Важным мероприятием является также предпринимаемая подготовка историко-этнографических атласов. На очереди стоит задача углубления работы по изучению быта рабочего класса различных народов СССР. Такие исследования проводятся в ряде республик, однако правильный путь этих исследований еще не найден. С. П. Толстов подчеркнул желательность созыва специального совещания по методике изучения быта рабочих, а также — организации дискуссии по этому вопросу на страницах журнала «Советская этнография».

В принятой участниками сессии резолюции отмечены успехи советской этнографии,

достигнутые за последние годы и нашедшие свое отражение в заслушанных докладах, и указаны имеющиеся еще существенные недостатки в полевой работе этнографов: недостаточно согласуются программы полевых исследований по близким темам; большинством экспедиций не проводится сбор этнографических коллекций; не осуществляется проведение региональных совещаний, посвященных этнографии Кавказа, Поволжья, славянских народов СССР. В резолюции намечены следующие мероприятия, направленные к дальнейшему развитию этнографической работы:

«1. Усилить координацию полевых работ различных этнографических учреждений страны, для чего: а) просить все учреждения до начала полевого сезона 1955 г. направить в Институт этнографии АН СССР планы экспедиционных исследований текущего года и имеющиеся программы полевых сборов для взаимного согласования; б) всемерно развивать организацию совместных экспедиций, проводимых академиями союзных республик и другими научными учреждениями; в) провести осенью текущего года совещание по координируемым темам.

2. Отмечая важность работ по составлению историко-этнографических атласов, рекомендовать этнографическим учреждениям республиканских академий, где эта работа пока еще не планируется, рассмотреть вопрос о возможностях и планах составления атласов.

3. Придавая большое значение изучению быта колхозного крестьянства и рабочих, просить Институт этнографии весной 1956 г. созвать совещание для обсуждения программ и плана исследований по быту рабочих.

4. Обратит внимание всех учреждений и научных работников, ведущих археологические раскопки, на необходимость полного и тщательного сохранения всего краниологического и скелетного материала, что весьма важно для изучения вопросов этногенеза. Признать необходимой организацию раскопок поздних могильников для составления краниологического собрания по разным народам СССР.

5. Обратит внимание этнографов, работающих в республиканских академиях и филиалах АН СССР, на значение работы по написанию многотомного издания «Народы мира», которое является коллективным трудом советских этнографов.

6. В целях ликвидации недостатков в собирании и экспозиции этнографических материалов в ряде музеев страны просить Институт этнографии АН СССР созвать в начале 1956 г. совещание, посвященное этим вопросам.

7. Считать желательным возобновление региональных совещаний этнографов Кавказа.

8. Отмечая необходимость усиления работ в области изучения народов Среднего Поволжья, просить Президиум АН СССР созвать в 1956 г. в Казани совещание по вопросам этнографии и археологии народов Поволжья с участием Казанского филиала АН СССР, Института этнографии и Института истории материальной культуры АН СССР, научно-исследовательских институтов и музеев республик Поволжья.

9. Просить Институт антропологии МГУ ускорить работу по реставрации палеоантропологических материалов из мезолитического могильника у с. Васильевки, учитывая их огромное научное значение».

ОБСУЖДЕНИЕ МОНОГРАФИИ «КУЛЬТУРА И БЫТ ТАДЖИКСКОГО КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА» В АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

12 апреля 1955 г. на заседании Отдела этнографии Ин-та истории и археологии АН УзССР состоялось обсуждение книги «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», написанной коллективом авторов — Н. Н. Ершовым, Н. А. Кисляковым, Е. М. Пещеровой и С. П. Русакиной по материалам одного из передовых колхозов Таджикистана¹. В обсуждении кроме этнографов приняли участие сотрудники Отдела истории советского общества Ин-та истории и археологии и Отдела сельского хозяйства Ин-та экономики АН УзССР. Это придало обсуждению более широкий характер.

Все выступавшие отметили важность и своевременность появления в свет данной монографии. Авторы ее являются пионерами в научной разработке вопросов культуры и быта нового, социалистического крестьянства, освобожденного от оков патриархальщины и классового угнетения. В ней сделана попытка раскрыть живую картину трудовой деятельности колхозников, их общественной и семейной жизни, культурно-бытовые условия. В отдельных главах авторы в основном удачно разрешили поставленные задачи. Однако, как видно из высказываний участников обсуждения, в книге имеются серьезные ошибки.

В своем выступлении Н. И. Чуманова (Ин-т экономики), отметив несомненные достоинства книги, указала, что в разделе о хозяйственной деятельности колхоза нашли место недопустимые ошибки и извращения. Совершенно не показана та мощная сельскохозяйственная техника, благодаря которой колхозы нашей страны достигли и достигают невиданных производственных успехов. Наоборот, автор этого раздела

¹ Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXIV, М.—Л., 1954.